

## **О ПОЛЬСКО-РУССКИХ И РУССКО-ПОЛЬСКИХ СЛОВАРЯХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Принципы составления словарей хотелось бы рассмотреть с прагматической точки зрения, т. е. представить взгляд обычного, рядового потребителя-профессионала, использующего названные словари по их прямому назначению – для перевода текстов с русского языка на польский и с польского языка на русский. Такой взгляд, как представляется, абсолютно правомерен. Безусловно, словари вообще, и эти словари, в частности, можно использовать различным образом. Так, В. Дорошевский «хотел, чтобы словарь выполнял, прежде всего, функцию общественную, чтобы он помогал людям понимать слова и окружающий мир» [4, с. 54]. Можно считать также, что словарь является одновременно описанием культуры и использовать его для составления языковой картины мира и культурной схемы жизни определенного социума. Можно, наконец, рассматривать словарь как полигон для разного рода исследований. Тем не менее, основная и первичная функция словаря – потребительская, и именно на наиболее широкие потребительские, по сути, переводческие, слои должно быть ориентировано большинство фундаментальных словарей. Кстати, и по мнению лексикографов, «лексикография не сводится к чисто научным основам и ее следует рассматривать как многоаспектную дисциплину, которая тесно связана с издательской деятельностью, маркетингом, гуманитарным знанием в широком понимании этого слова. Будучи отчасти наукой, отчасти искусством, лексикография – прежде всего, направление, которое постепенно обособливается и профессионализируется» [3, с. 10].

Несмотря на упомянутую профессионализацию, переводная лексикография является своего рода падчерицей лексикографической науки, своего рода побочным продуктом любви человека к слову. Даже Л.В. Щерба предлагал настоящему педагогу советовать «своим ученикам как можно скорее бросать переводные словари и переходить на толковый словарь данного иностранного языка» [2, с. 301]. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в фундаментальной коллективной монографии «Współczesny język polski» (1993 г.)

переводным словарям не нашлось места рядом с их благородными собратьями – толковыми, этимологическими, историческими. Во вступительном слове к сборнику «*Studia z polskiej leksykografii współczesnej*» (1998 г.) его редактор, З. Салони, стыдливо объясняет: «Специфическое место в томе занимают статьи Анджея Богуславского и Яна Вавжиньчика, посвященные двуязычной лексикографии... Поскольку обе эти статьи концентрируются на наиболее фундаментальных для лексикологии проблемах, они размещены в начале сборника, хотя генетически и тематически они не связаны непосредственно с серией работ, которые создали его основу. Как известно, проблемы одноязычной и двуязычной лексикографии тесно связаны. В данном случае, выводы, полученные из двуязычного словаря, могут быть полезны для польских одноязычных словарей». Значит, все-таки есть польза и для чистого теоретического знания, но, тем не менее, в глазах настоящих лексикологов – создателей фундаментальных словарей родного языка – переводной словарь остается Золушкой, которую по непонятной причине пустили на бал и заставили там играть чуть ли не главную роль.

Известно, однако, что польская переводная лексикография, которая имеет давнюю и устойчивую традицию, начиналась именно с этого типа лексикографических источников. Ведь старейший из польских лексикографических памятников был именно переводным словарем – знаменитый «*Wokabularz trydencki*» (1424 г.), содержащий 500 словарных статей. Переводными по сути были и так называемые маммотрепты (первые сохранившиеся – вт. пол. XV в.), словарики к Библии, которые объясняли наиболее трудные библейские слова. Первые печатные словари (1526 г., 1528 г.) – латинско-немецко-польские; в 1564 г. появляется большой латинско-польский словарь Яна Мончинского; в многоязычных словарях, популярных в Европе в XVI в. присутствовал польский язык; самый большой словарь XVII в. – это «*Thesaurus polono-latino-graecus*» Гжегожа Кнапского. Кстати, это труд опосредованно повлиял на словарь Поликарпова «Лексикон треязычный сиречь речений славенских эллиногреческих и латинских сокровище...». Влияние Кнапского продолжалось в течение всего XVIII в.; так, этот словарь представлял основные словарные статьи для Кириака Кондратовича, автора первого печатного польско-русского словаря (1775 г.). Таким образом, переводную лексикографию заслуженно можно считать прародительницей лексикографической практики и лексикографической науки).

Следует сказать, что так же, как взаимозависимы онтогенез и филогенез, связаны между собой индивидуальная практика работы со

словарем и историческое развитие словарного дела, о котором говорилось выше. Действительно, как показывают наблюдения, современный школьник раньше знакомится со словарем переводного типа. С. Урбанчик говоря о словаре вообще, имел в этом случае в виду переводной словарь: «Очень рано он входит в нашу жизнь. Когда 12-летний мальчуган начинает в средней школе изучать иностранный язык, словарь входит в состав его подручной библиотечки и остается в ней» [5, с. 3]. И значительно позже, очень часто после ознакомления со специальными разделами учебника родного языка, с помощью учителя, мы знакомимся с толковым словарем. Многие из нас так никогда не возьмут в руки этимологический словарь и не подозревают о существовании словарей грамматических.

В.Г. Гак, вслед за Л.В. Щербой обосновывает необходимость создания 4 видов словарей для каждой пары языков для активного и пассивного владения каждым языком с точки зрения носителя каждого языка [1, с. 53]. Для рассматриваемой ситуации это можно представить следующим образом. Русско-польский словарь является активным для польского потребителя, когда раскрывает значения русских слов (предполагается, что носитель польского языка при переводе с русского на польский сам будет выбирать соответствия сообразно со своей языковой компетенцией), и активным для русского потребителя, когда предлагает переводные элементы соответствующих русских слов, ср. у Л.В. Щербы: «Такой словарь, будучи предназначен для русских, вовсе не должен давать иностранцу полного понимания значения русских слов, а должен дать русскому человеку точные указания, как он должен переводить русские слова в разных контекстах, чтобы быть не только понятным, но и не смешным» [2, с. 302]. То же можно сказать в отношении польско-русского словаря. Словарь пассивного типа раскрывает семантическую структуру слов одного языка и транслирует ее средствами другого языка.

Каждому из нас понятно, что, переводя с чужого языка на родной мы нуждаемся в минимуме информации в правой части статьи (хотя можно не согласиться с тем, что в этой позиции должны быть только толкования значения, каждый переводчик знает, что, несмотря на прекрасное понимание всего текста и отдельного слова, в частности, вся работа останавливается из-за того, что из памяти исчезает точный и нужный эквивалент, за которым приходится обращаться к словарю), и, наоборот, при переводе с родного языка на чужой мы хотели бы увидеть как можно больше информации. И все проблемы, связанные с созданием словарей часто сводятся к тому, что составители словарей не в состоянии дать потребителю всего объема информации, который он

хотел бы получить, а часто даже не представляют, в чем этот потребитель нуждается.

### Литература

1. Гак, В.Г. Двухязычный словарь активного типа // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность / В.Г. Гак. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 53-62.
2. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – С. 265-304.
3. Bańko, M. Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa / M. Bańko. – Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2001. – 327 s.
4. Piotrowski, T. Z zagadnienia leksykografii / T. Piotrowski. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1994. – 277 s.
5. Urbańczyk, S. Słowniki. Ich rodzaje i użyteczność / S. Urbańczyk. – Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum, 1964. – 45 s.